

УДК 327.54; 355.01

Евстафьев Д. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

АННОТАЦИЯ

Цель: определить место платформы «гибридных войн» и соответствующего инструментария в системе современных глобальных трансформаций, связанных с глубоким переформатированием системы глобальных экономических отношений, включая и базовые связи взаимозависимости, возникшие в период поздней глобализации.

Процедуры и методы. Кластеризация регионов текущих геоэкономических изменений с целью выявления ключевых узлов трансформаций и инструментов, действовавших для управления ими. Процессы рассматриваются сквозь призму «теории конфликта» Т. Шеллинга и её последующих интерпретаций, но с учётом принципиально новой роли и места «информационного общества».

Результаты. Сделаны вывод о нарастании значимости военно-силового компонента в инструментарии «гибридных войн» на фоне обозначившейся недостаточности современного поколения информационно-манипулятивных методов, для решения стоящих перед глобально значимыми центрами силы геоэкономических задач. Несмотря на возникающие диспропорции, платформа «гибридных войн» остаётся наиболее операционно безопасной для управления цепочками конфликтов, приводящих к геоэкономическим трансформациям на уровне целых регионов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделан вывод о неизбежности выхода на новое поколение «гибридных войн», характеризующееся большим разнообразием инструментария в переходной зоне от конкуренции мирного времени к «тёплому конфликту».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гибридная война, теория конфликта, информационные манипуляции, экономическая взаимозависимость, управление конфликтом

СТРУКТУРА

Введение: трансформации глобальной экономической взаимозависимости как базовый фактор глобального развития

Постановка вопроса

Формирование макрорегионов и технологии гибридных войн

Закключение

D. Evstafiev

National Research University Higher School of Economics
20 ul. Myasnitskaya, Moscow 101000, Russia Federation

HYBRID WARS PLATFORM AS AN INSTRUMENT FOR GEO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE WORLD

ABSTRACT

Aim. To define the place of the platform of the hybrid wars and the related instruments in the on-going global transformations that lead to the deep reshuffle of the international economic relations including the basic interrelationships of the economic interdependence that were formed in the era of mature globalization.

Methodology. Clusterization of the focus points of the transformations on the regional level in order to locate and define key instruments used to manage (stimulate and guide) the transformations. The transformations are analyzed through the prism of Thomas Shelling's "theory of conflict" and its subsequent interpretations but with consideration of the new role of the information society.

Results. The conclusions were made about the increasing importance of the military and in general – force components in the spectrum of the "hybrid war" instruments since the current generation of informational manipulation means appeared to be insufficient to reach the geo-economic objectives that major global centers of power face. At the same time the platform of "hybrid wars" remains operationally the most secure one to manage safely the chains of conflicts aimed to geo-economically transform regions and macro-regions.

Research implications. The conclusion was made on the inevitability of the development of a new generation of the "hybrid wars" that would be based upon wider variety of instruments in the "transition zone" between the peacetime competition and "hot" conflict with military components.

KEYWORDS

hybrid war, theory of conflict, informational manipulations, economic interdependence, conflict management

ВВЕДЕНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Почти аксиоматичным выводом из событий 2018–2020 гг. становится констатация постепенного разрушения институционального пространства глобальной политики и экономики, построенной вокруг базового принципа – доминирования США в политической и военно-политической сферах и глобальных финансах. Глобальная геоэкономическая взаимозависимость и её региональные проявления остаются важнейшим фактором, ограничивающим глобальную военно-силовую конкуренцию. Фактор глобальной геоэкономической взаимозависимости, ослабевает сравнительно более медленными темпами, чем это мыслилось раньше, но, тем не менее, это происходит неуклонно, что связано в том числе и с активным использованием взаимозависимости для давления на страны, пытающиеся проводить самостоятельную внешнюю политику [10].

Свидетельством ослабления фактора глобальной геоэкономической взаимозависимости становится постепенная утрата эффективности «мягкой силы», которая начинает надстраиваться более жёсткими инструментами влияния [14]. При большинстве сценариев развития системы международных экономических и политических отношений конкуренция между ведущими глобальными и субглобальными игроками будет происходить в условиях остаточной и не всегда предсказуемой экономической взаимозависимости.

Отправная точка в оценке современного геоэкономического контекста сводится к тому, что конкуренция различных игроков – государств, субгосударственных участников глобальных процессов, корпоративных структур и крупнейших надгосударственных институтов, таких как наднациональная бюрократия ЕС, – за доминирование в экономических системах будет вестись в мозаичном мире остаточной взаимозависимости, где влияние данного фактора будет изменяться асимметрично, причём, возможны ситуации, где влияние взаимозависимости будет расти, а само это понятие будет существенно меняться. Ситуация дополнительно обостряется деинституционализацией системы мировой политики и кризисом механизмов глобального геоэкономического регулирования. Это расчищает место для действий, лежащих вне пределов чисто экономической целесообразности и рентабельности.

«Гибридные войны», будучи фактически зонтичной платформой для разнородных инструментов воздействия на социальную и политическую ситуации в назначенном объекте воздействия, дают возможность относительно гибкого и политически безопасного сочетания различных средств воздействия на геоэкономических конкурентов и геополитических противников.

Методологически это означает необходимость рассмотрения «гибридных войн», прежде всего, как организационной платформы, и только затем – как совокупной характеристически определённого набора методов межгосударственной конкуренции и противоборства. Платформа «гибридных войн» в нынешней своей итерации минимизирует риски для страны-инициатора воздействия, оставляя ей все основные бонусы условно «атакующего», включая возможность выбора приоритетных объектов дестабилизации и времени начала обострения. Это и обусловило резкий рост интереса к данному формату военно-силовой политики и, в особенности, – информационным манипуляциям, ставшим его составной частью. Причём инструментальная гибкость, способность платформы «гибридных войн» операционно интегрировать в себя политически и системно различные инструменты воздействия на конкурентов, будет в обозримой перспективе расти, что связано с совершенствованием систем управления.

В российской и зарубежной науке и аналитическом сообществе проблематика гибридных войн разработана исключительно глубоко. Это позволяет осуществлять оценку и прогнозирование глобальных геоэкономических

процессов и механизмов конкуренции важнейших игроков, причём не только государственного уровня, но и с использованием иных организационных форматов. Эта база основывается на обобщении опыта применения гибридных методов воздействия на враждебные режимы, свидетелями чего мы были в последние 10–12 лет.

Среди российских специалистов, занимающихся данной проблематикой, хотелось бы выделить С. Володенкова, А. Бартоша, В. Золотарева, А. Леонкова, А. Манойло, О. Матвейчева, В. Можегова, А. Наумова, В. Слипченко, О. Тиханычева и ряд других специалистов. Отметим исследование эволюции политики США в низкоинтенсивных конфликтах, выполненное коллективом авторов Института США и Канады РАН под руководством В. Батюка [5].

На Западе вопросы, связанные с различными аспектами гибридной войны, разрабатывались М. Калдер, Р. Капланом, Э. Люттваком, Дж. Наем, Ф. Хоффманом и другими.

Методологическая основа для анализа вопросов, связанных непосредственно с вопросами гибридных войн, создана обширными исследованиями российских и зарубежных специалистов в области глобальных военно-политических проблем. Особо выделим работы А. Кокошина, А. Арбатова, С. Рогова, С. Караганова, А. Картунова.

Отметим существенный рост интереса к изучению и систематизации особенностей современного информационного общества и каналов коммуникаций, трансформируемых ситуативно в инструменты ведения информационных войн. Феномен «двойного назначения» практически любых каналов современных коммуникаций, включая теперь уже и государственные коммуникации, требует дополнительного изучения, ибо это самый опасный для целостности информационного общества аспект развития. Информационное общество становится важнейшим пространством межгосударственной конкуренции, но не только с точки зрения доминирования соответствующих технологических платформ, но и с точки зрения адаптации наиболее значимых общественных систем к тем рискам, проистекающим из современных возможностей информационного воздействия. Оно выполняет функцию интегрирующего звена и для платформы гибридной войны, тем более что на первых этапах развития этого феномена в рамках актуального поколения гибридных войн информационно-манипулятивные технологии действительно играли центральную роль. Отметим работы Дж. Ланье, Т. ван Дейка, М. Кастельса¹.

¹ См., например: Ланье Дж. Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию будут платить вам; пер. с англ. М.: Бомбора, 2020. 560 с.; Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ.; изд. 2-е, М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 88–89; Кастельс М. Власть коммуникации /под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

В качестве фундаментальной методологической основы отметим фундаментальную работу Т. Шеллинга «Стратегия конфликта», впервые была опубликованную в 1960 г. [9], ставшую основой для операционного прогнозирования поведения крупных игроков в нетотальных конфликтах. В отечественной науке подходы Шеллинга развивались известным отечественным исследователем В. А. Кременюком [6], хотя концепция «ограниченной войны» политически и не принималась ни советским, ни российским руководством до последнего времени. После окончания «холодной войны» концептуальные подходы Т. Шеллинга рассматривались как устаревшие в силу изменения общемировой ситуации, в том числе в силу перехода к активной фазе глобализации, а затем и сетевизации геоэкономически значимых пространств. Но выход на первый план в качестве платформы интеграции инструментом межгосударственной конкуренции «гибридной войны» возвращает нас – с поправкой на изменение характера инструментов, а также контекста – к подходам и моделям, использованным Шеллингом и его последователям. Выделим пять важнейших обстоятельств:

1. Категорическое расширение степени операционной прозрачности политики ключевых государств на фоне нарастания стратегического недоверия между ними. Скрыть нельзя почти ничего, но прямым политическим коммуникациям даже на высшем уровне никто не доверяет. Как результат – возникновение эффекта дерационализации поведения, как минимум, в ситуациях с малым риском аннигиляции системы в целом.

2. Существенное расширение не только количества крупных геополитически значимых игроков, но и их структурного разнообразия. А значит – невозможность свести всё к одной логике геополитического и геоэкономического поведения, возникновение имманентной операционной многовекторности.

3. Расширение инструментария конкуренции в нижней части политического спектра, не доводя дело до эксплицитных силовых действий даже в ограниченном масштабе. Как результат – появление «серой зоны» неопределённости в идентификации возможностей эскалации [12].

4. Хаотизация в ряде стран механизмов принятия политических решений, не говоря уже о ситуации в бюрократических системах, обслуживающих наднациональные структуры. Возникновение эффекта операционного отрыва «делегированных агентов» в конфликтных регионах и странах. Как результат, фундаментальное повышение значения личностных факторов, усиление вероятности случайной эскалации.

5. Непредсказуемость последствий разрыва узлов глобальной геоэкономической зависимости, что постоянно подталкивает к попыткам вернуться хотя бы к индикативным правилам межгосударственной конкуренции [11], тем более, что американская элита начинает убеждаться в неспособности в полной мере поддерживать свою монополию в этом вопросе.

Анализ технологий «гибридных войн» на методологической основе теории конфликта формирует **понимание платформы как основы для адаптированной под конкретное пространство (страна или регион) модели управления конфликтами**, в том числе их фокусировки на наиболее безопасном «объекте» и ограничения потенциальной эскалации. Это открывает дорогу для нового понимания моделей конфликтного поведения и инструментов ограничения эскалации, включая и новые математизированные прогностические модели поведения, как минимум, крупнейших государств.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Политический сдвиг ситуации вокруг «гибридных войн» очевиден. Акцентирование этой темы в отношениях России и НАТО дало возможность США **политически легализовать платформу «гибридной войны» не только в качестве инструмента сдерживания российской информационно-политической «агрессии»** [17], **что было уже недостаточно, но и в качестве легитимного средства ведения межгосударственной конкуренции мирного времени**².

В центре исследования четыре принципиальных вопроса, отражающих, как внутренние, так и внешние аспекты развития технологии «гибридных войн»:

1. Общее соотношение роли и места различных кластеров инструментов гибридных войн в контексте общеглобальных процессов изменения военно-политической и геоэкономической ситуации. Маркером развития ситуации является динамика значимости военно-политических инструментов гибридных войн, отражающих как эволюцию политической среды, включая и глобальный и региональный баланс сил, так и новые технологические возможности.

2. Приоритетные регионы, где могут быть применены технологии, интегрированные на платформе «гибридных войн», и степень прогнозируемой успешности этого с учётом прежнего политического опыта и накопления опыта противодействия. Влияние потенциала использования технологий гибридных войн на перспективы формирования макрорегионов.

² Рубежными с точки зрения легализации инструментария (хотя в операционный оборот в США термин ввели раньше) следует считать два документа. Начало процессу легализации киберударных средств положил Доклад РЭНД-Корпорейшн «Операционализация киберпространства как поля боя: уроки для НАТО» (2019) [15], вызвавший существенный общественный резонанс. Проблема была введена в текущие общественно-политический и военно-политический дискурс, причем сразу в обостренном ключе. А фиксацией статуса кибербоевых инструментов в качестве нормального средства противоборства мирного времени стал Ежегодный доклад генерального секретаря НАТО за 2020 г. [16], который был воспринят, как констатация реально существующей ситуации.

3. Характер наиболее значимых страновых и региональных уязвимостей, обуславливающих результативное использование подобных технологий для стимулирования и провоцирования трансформаций на региональном и страновом уровнях, а также допустимые «пределы катастрофичности» этих трансформаций. Возможная их динамика.

4. Степень политической и операционной готовности глобальных и особенно субглобальных игроков к использованию методов «гибридных войн» для решения своих геоэкономических и геополитических задач. Динамика освоения странами-лидерами подобных платформ и возникновение каких-либо политических или юридических сдерживающих факторов, к примеру ограничений использования социально-опасных методов (например, применения киберударных средств воздействия по объектам социальной инфраструктуры или опасным производствам) в ходе конфронтации без объявления состояния войны между странами.

«Гибридные войны» являются внутренне противоречивой, но флюидной системой с высочайшей степенью контекстной адаптивности. А это, в свою очередь, предопределяет высочайшую степень контекстности данного феномена, проявляющейся в уникальности конкретных «операционных конструкций», создаваемых на этой платформе, применительно выбранной для управления или дестабилизации ситуации. В современных условиях, которые могут быть охарактеризованы, как начальный этап формирования в ряде регионов геоэкономически относительно самодостаточных макросистем, речь идёт уже не просто об адаптации операционной модели под конкретную страну, но под конкретный регион или даже пространство, охватывающее страны, лежащие в различных регионах. В качестве примера подобной ситуации можно привести формирование единых пространств напряжённости в Юго-Восточном Средиземноморье (охватывает полосу от черноморских проливов до Туниса включительно) и Среднем Востоке (захватывает и часть Евразии – Прикаспий, и часть Африки – Сомали). Отметим, что речь не идёт только о возникновении «серых зон» на стыке относительно устойчивых с точки зрения военно-политической защищённости и геоэкономической устойчивости пространств [1].

ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОРЕГИОНОВ И ТЕХНОЛОГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Свидетельством качественного изменения роли и места платформы «гибридных войн» и соответствующих технологий в современной глобальной политике является переход от использования её преимущественно на страновом уровне к их использованию в качестве инструмента переформатирования экономически перспективных регионов. Это принципиальный фактор в развитии глобальной ситуации, **отражающий стремление к комплексному воздействию на геоэкономические системы**, а не просто де-

стабилизацию отдельных враждебных политических режимов. Пока полномасштабно потенциал гибридных войн, как геоэкономического инструмента, а, тем более, как инструмента переформатирования больших пространств, апробирован не был. Но обратим внимание на несколько ситуаций, где нарастание военно-политических рисков и очаговое применение технологий «гибридных войн» уже привело к заметному изменению структуры геоэкономического пространства.

- Конфронтация России и НАТО, создавшая возможности для глубокого геоэкономического, в том числе и территориального, переформатирования западной оконечности Евразии и изменения характера геоэкономического развития Европы как системы, например, с точки зрения связанных с энергетикой технологических цепочек, что становится важнейшим вызовом для ЕС в сфере геоэкономической безопасности. Одним из побочных результатов новой геоэкономической ситуации стала новая актуализация польского проекта «Междуморье», основанного на геоэкономической перекройке Восточной Европы методами гибридной конкуренции с использованием силовой составляющей.

- Развитие гражданской войны в Ливии и общее нарастание политико-силовой нестабильности в Южном Средиземноморье существенно изменило характер экономических отношений в регионе даже в такой чувствительной сфере, как углеводороды, фактически способствовало его распаду на Восточное и Юго-Западное Средиземноморье, что является фундаментальным моментом, создающим вокруг Европы принципиально новую не только военно-политическую, но и геоэкономическую ситуацию. Конфликт в Ливии используется крупнейшими глобальными геоэкономическими игроками в качестве тестовой площадки для отработки различных, в том числе и гибридных методов конкуренции, причём с акцентом на различное сочетание военно-силовых инструментов, включая и находящиеся на грани конфликтов «средней интенсивности» с прямым участием одной или нескольких сил в условиях фактического отсутствия ограничений гуманитарного характера. Значение гражданской войны в Ливии для развития концепции гибридных войн и методик управления конфликтами ниже уровня обычной войны в целом недооценивается.

- Гражданская война на Украине, начавшаяся с попытки реализации «цветной революции», но приведшая к демонтажу остатков индустриальной постсоветской украинской экономики, принципиально изменила характер геоэкономических связей северо-западного Причерноморья, создав пространство для реализации проекта Междуморья, в прежних форматах невозможного. Потенциально альтернативное индустриальное ядро проекта было демонтировано, хотя и с издержками в виде формирования «серой зоны» стабильности, «токсичной» в военно-политическом и политическом смысле для всех сил, вовлечённых в конфликт. Но важен подход: **управляемое фор-**

мирование деиндустриализированного пространства, пространства экономической деградации, что сопровождается глубокой социальной деструкцией, затем используемого для управления поведением конкурирующих и потенциально враждебных сил, в данном случае – России, в меньшей степени Китая, а теперь уже и Турции.

- Попытка Турции сформировать подконтрольное геоэкономическое пространство в Восточном Средиземноморье и оказывать нарастающее влияние на геоэкономическую ситуацию в Южной Европе. Анкара активно пыталась использовать военно-силовые инструменты, которые, однако, руководство Турции в ход пустить не решилось, ограничиваясь ведением войн прокси (proxy warfare) в Восточном средиземноморье и Северной Африке, в то же время сохранив высокий уровень управляемости конфликтными узлами. Этот аспект глобальных геоэкономических в своей основе трансформаций позволил оценить возможности управления союзниками в условиях реальной и многовекторной военно-силовой конкуренции.

- Обострение ситуации в Сомали и Эфиопии, в совокупности с сохранением высокого уровня напряжённости вокруг Красного моря, ставящее под сомнение возможность реализации важнейшего глобалистского проекта – Трансафриканского коридора, что поставило Китай перед необходимостью пересмотра механизмов реализации своих логистических проектов в мире в принципе. Это показало потенциал интеграции отдельных, формально не связанных друг с другом конфликтных узлов с задействованием разнородных сил и средств (от иранских проху до криминальных группировок и региональных контрабандистских сообществ) в единую цепочку, формирующую принципиально новую ситуацию в важнейшем в логистическом отношении регионе. Мы увидели в данном случае потенциал пространственного управления конфликтами, достигаемый сравнительно скромными силами.

Примерные перспективы развития ситуации в этих и других макрорегионах обобщены в Таблице 1.

Ситуация по выделенным регионам (процессы в Латинской Америке сознательно пока оставлены за пределами рассмотрения) говорит о потенциально большом масштабе возможных геоэкономических трансформаций с использованием различных технологий гибридных войн, как минимум, в силу высокой вероятности возникновения «цепочек конфликтов» с высоким дестабилизирующим потенциалом, но также и с высоким потенциалом переформатирования внутренних экономических связей [3], что даёт возможность формировать новые более благоприятные для внешнего игрока системы экономической взаимозависимости.

Таблица 1 / Table 1
Перспективы влияния методов гибридной войны на формирование макрорегионов / Prospects for the Influence of Hybrid Warfare Methods on the Formation of Macroregions

Регион	Статус	Уровень насилия/ использование военно- силовых инструментов	Ключевые игроки	Потенциал воздействия инструментарием «гибридных войн» (ГВ)	Примечания
Прикаспий	Конкуренция за формат и статус лидера при формировании макрорегиона.	Высокий/Средний. Временная деэскалация. Спад напряжённости после локального конфликта.	Россия Турция Великобритания США Иран	Наличие нескольких разнородных манипулируемых очагов конфликта.	Потенциал перехлёста нестабильности на территории России. Ситуация характеризуется прямым противоборством различных государств с минимальной «частной» составляющей.
Черноморский регион	Выпадение региона из глобально и регионально значимых геоэкономических систем. Превращение региона в арену силовых демонстраций.	Низкий. С тенденцией роста до среднего.	Россия Турция США Великобритания	Умеренный. Фаза максимально эффективного использования информационного сегмента ГВ пройдена к 2019 году.	Происходит распад исторически сложившихся на протяжении последних 35–40 лет системы связей. Высокий потенциал силовой эскалации.
Восточная Европа/ Западная Евразия	Попытка запуска процессов трансформации политического пространства на этнополитической основе.	Низкий/Средний. Тенденция к росту.	Польша Литва Украина Россия Германия	Формирование системы внешнего управления суверенитетом за счёт «альтернативной власти».	Перспектива раскола и геоэкономического перереформирования по этно- религиозному признаку. Балансирование США на грани втягивания в конфликт.
Северная Африка	Отсутствие перспектив экономической консолидации в ближайшее время. Глубокая социальная хаотизация с силовыми компонентами.	Средний. Ресурсы для эскалации ограничены.	Турция Франция Египет ЕС Россия	Востребованность силового компонента ГВ. Возможности информационного воздействия минимальны.	Трансформация региона в Юго- Западное Средиземноморье. Перспектива перехлёста нестабильности на часть территории Европы. Активное участие в противоборстве/трансформации частных структур.

Таблица 1 (продолжение) / Table 1 (continuation)

Регион	Статус	Уровень насилия/ использование военно- силовых инструментов	Ключевые игроки	Потенциал воздействия инструментарием «гибридных войн» (ГВ)	Примечания
Восточное Средне- земноморье	Формирование географических контуров потенциального макрорегиона. Конкуренция за доминирование.	Снижение интенсивности после конфликта средней интенсивности.	Россия Турция ЕС (Франция) Великобритания Саудовская Аравия	Умеренное. Политическое конструирование и попытки перехода к гибридному низкоинтенсивному конфликту.	Разворот турецкой экспансии в Евразию и Южную Европу. Переход ситуации на этап социально-политического конструирования.
Индоевразийский регион	Скрытая фаза формирования нового геоэкономического пространства. Борьба за лидерство.	Низкий. С очаговым переходом к среднему, но вне основного ареала конкуренции.	Индия Китай США	Высокое. Информационные манипуляции. Формирование очагов внутренних конфликтов в расчёте на ослабление внешних возможностей.	Высокий потенциал дестабилизации значительной части ЮВО.
Центральная Азия	Начало процесса поляризации региона.	Тенденция к переходу от низкого к среднему уровню.	Китай США Россия Иран	Высокие. Но с опорой на системы социо-коммуникационной гибридности.	Перспектива утраты геоэкономической целостности региона.
Арктика	Попытка интернационализации ситуации в Арктической зоне. Накопление силового потенциала всеми участниками противоборства.	Низкий. Рост насыщения региона военно-силовыми инструментами.	Россия США Норвегия ЕС	Низкие. Воздействие на локальные сообщества за счёт информационных манипуляций. Ворос фейков.	Центральный момент: выбор между интернационализацией и монопольным национальным контролем сегментов.

Отметим пять важных обстоятельств.

1. Все выделенные конфликтные узлы имеют геоэкономическое измерение. **Изменение расклада сил в любом из этих узлов повлечёт существенную перестройку хозяйственных связей не только регионального, но, как минимум, субглобального масштаба**, а в ряде случаев (Восточное Средиземноморье) – и глобального. Это означает, что ключевыми пространствами применения платформы «гибридных войн» действительно становятся значимые пространства «геоэкономической Ойкумены». Характер этих узлов отражает начало борьбы за передел не только ресурсной периферии и логистически значимых пространств на периферии, но и за обострение ситуации в ряде регионов, ранее относимых к индустриальной полупериферии, что приводит к сокращению её потенциала к геоэкономической самостоятельности.

2. Качественная разнородность возможных трансформационных узлов. Центральные факторы, обуславливающие возможность гибридного воздействия, различны, а это повлечёт неизбежность формирования различных операционных конструкций, для чего платформа «гибридных войн» является оптимальной, поскольку позволяет осуществлять быстрое перераспределение усилий и ограничивать вовлечённость в конфликт. Следует обратить внимание на использованную рядом стран (Турция как главный игрок, но также Великобритания и Франция) **методику «пульсирующего конфликта» в Ливии**, дающую возможность с минимальными непосредственными затратами оказывать серьёзное влияние на геоэкономическую ситуацию в важнейшем регионе мира.

3. Силовой компонент присутствовал во всех этих случаях, но не везде он был реализован в форме прямого вооруженного противоборства. Гибкость военно-силового воздействия в конфликтных узлах и возможности деэскалации становятся важнейшим условием эффективного управления конфликтом. В ходе последних конфликтов возникла и не нашла удовлетворительного разрешения проблема управляемости союзников [13]. Это обстоятельство могло быть терпимым, когда важнейшим направлением использования «гибридных войн» была хаотизация, но, когда на первый план выходят вопросы управления геоэкономическими трансформациями на уровне регионов, он начинает создавать значимые риски. **Формируется принципиально новый запрос на инструменты конкуренции.**

4. Во всех рассмотренных случаях демонтаж или глубокое переформатирование касалось экономических цепочек, в которых имела место реальная, в том числе и социально-значимая экономическая взаимозависимость. Однако катастрофические последствия этого были, как правило, локализованы на страновом уровне. Это означает прямую возможность разрыва связей геоэкономической взаимозависимости по узлам без критической дестабилизации «больших» (трансрегиональных) экономических систем.

Иными словами, гибридные войны как механизм управления ограниченным конфликтом пока демонстрируют свою эффективность, но **встаёт вопрос о его пролонгированной эффективности, то есть – среднесрочных механизмах управления конфликтами. Нынешнее поколение платформы «гибридных войн» даёт для этого лишь ограниченные возможности**, что доказали интернационализированные конфликты в Восточном Средиземноморье и Северной Африке.

5. В ряде случаев (Арктика, Северная Африка и Юго-Западное Средиземноморье, Причерноморье) участниками геоэкономической конкуренции в формате «гибридных войн» могут быть не только государства, но и сетевизированные негосударственные экономические структуры, причём не только в формате «нанимателей государства» [8, с. 55], но и непосредственных, операционных участников. И это будет соответствовать и характеру пространства конкуренции, и историческим особенностям развития военно-силовой ситуации в этих регионах. **Подключение к технологиям экономической конкуренции негосударственных структур является новым фактором, который будет иметь существенные и пока не вполне понятные последствия.** Это может в принципе изменить архитектуру конкуренции с использованием платформы «гибридных войн».

Модель воздействия на наиболее значимые геоэкономические узлы системно представляет собой попытку сценарного выхода за рамки «столкновения цивилизаций», предполагающего масштабность конфронтации, но с учётом «культурной» составляющей конкуренции [4, с. 358–359]. Мы сталкиваемся не только с попыткой упорядочивания насилия в противовес определённого рода хаотизации насилия, что предполагает «столкновение цивилизаций» (как минимум, с точки зрения разрушения монополии государства на организованное насилие).

«Культурная» составляющая геоэкономической конкуренции в действительности является отражёнными в конкретном пространстве особенностями не столько цивилизаций, сколько социокультурного развития последних десятилетий, причём социальность в данном случае становится первичной. Это суждение кажется справедливым, как минимум для Юго-Восточного и Юго-Западного Средиземноморья и западной оконечности Евразии, где потенциальная модель «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона оказалась дополнена новыми социальными и геоэкономическими наслоениями, принципиально изменив характер пространства. Причины этого лежат, в основном, в сфере внутреннего развития государств и обществ, что даёт возможность сделать другой принципиальный вывод: **использование платформы «гибридных войн» для управления геоэкономическими трансформациями, в отличие от политических, предполагает работу со среднесрочными процессами развития**, что возможно только при условии их прогноза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация в мире диктует неизбежность дальнейшего расширения востребованности платформы «гибридных войн» в политике крупнейших государств мира. Но в совокупности, с одной стороны, опыт использования инструментария, а с другой – меняющийся характер задач, переход от преимущественно «негативного» к условно «позитивному» говорит о неизбежности глубоких трансформаций данной модели глобальной конкуренции, причём не только в направлении акцентирования военно-силовой составляющей, что естественно, но и с точки зрения дополнения платформы инструментами социального конструирования и постконфликтной стабилизации. Мир ещё не созрел для конкуренции «больших стратегий» [2], но постепенно перерабатывает идею о возможности достижения стратегических результатов в геоэкономической конкуренции только за счёт тактических успехов. Этот сдвиг необходимо считать наиболее фундаментальным изменением глобальной конкурентной среды с конца 2000-х гг., когда после глобального финансового кризиса начался общий кризис американско-центричной модели «инвестиционного капитализма».

Вероятно, **мы находимся на пороге формирования модели гибридной войны нового, промежуточного поколения. Оно, не будучи в полной мере военно-силовым, тем не менее, даст возможность более широко использовать военно-силовые инструменты**, сейчас ограниченно апробируемые в ходе попыток трансформаций в различных регионах мира. Это связано с характером геополитических и геоэкономических процессов, переживаемых современным миром.

Это повышает значимость механизмов прогноза вариантов развития конфликтной ситуации, даже если она ещё и не приобрела военно-силовую окраску [7].

Наблюдаемое нами сейчас усиление значения военно-силовых средств на платформе «гибридной войны» позволяет сделать предположение о том, что следующей итерацией в развитии платформы будет интенсивная надстройка её инструментарием социального конструирования, поскольку речь пойдёт не только об управлении тем или иными конфликтными ситуациями, но и о постконфликтном восстановлении и реструктуризации пространств. Поскольку именно этот инструментарий будет в наибольшей степени соответствовать задачам уже не просто обозначения пределов макрорегионов и конкуренции в «серых зонах» между ними, но закреплению этих пространств, их социально-политического освоения. Главным же **методологическим вопросом сегодняшнего дня является проблема принципиальной возможности перерастания конфликта с ненулевой суммой, управляемого с использованием инструментария «гибридных войн» или для инициирования которого он задействуется, в конфликт с «ну-**

левой суммой», то есть, антагонистический конфликт, где речь будет идти о выживании участвующей в конфликте стороны и факторах, стимулирующих развитие ситуации в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош А. А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 2. С. 6–19.
2. Гэддис Дж. Л. О большой стратегии / пер. с англ. О. Филиппова, А. Шоломицкой. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 424 с.
3. Евстафьев Д. Г. Евразия в эпоху силовой геоэкономики: особенности трансформаций и возможности нейтрализации рисков // Электронный научный журнал «Евразия.Эксперт». 2021. № 1. URL: https://journal.eurasia.expert/s271332140014382-7-1/?fbclid=IwAR2ZZLf7lEmMxkpy mUf6wT8mKfOQdB9W0_tB_lflw4KXPeaLT8AUA-n84CM. DOI 10.18254/S271332140014382-7 (дата обращения: 15.03.2021).
4. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполлонова, М. Дондуковского. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 416 с.
5. Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века / под ред. В. И. Батюка; Институт США и Канады РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2018. 192 с.
6. Кременюк В. А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. М.: ИСКРАН, 2006. 222 с.
7. Максименко И. А., Богданов А. С. Современные подходы к информационно-аналитической деятельности по выявлению гибридных угроз // Военная мысль. 2021. № 5. С. 42–49.
8. Можегов В. И. Мировая гражданская война. М.: Родина, 2021. 224 с.
9. Шеллинг Т. Стратегия конфликта; пер. с англ. под редакцией Ю. Кузнецова; издание 2-е, испр. М.: ИРИСЭН, Социум, 2014. 367 с.
10. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. Iss. 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
11. Haass R., Kupchan C. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World [Электронный ресурс] // Foreign Affairs: [сайт]. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=What%20the%20WHO%20Investigation%20Reveals%20About%20the%20Origins%20of%20COVID-19&utm_content=20210331&utm_term=FA%20Today%20-%20112017 (дата обращения: 15.03.2021).
12. Mazarr M. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. Iss. 2. P. 7–32. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1771042.

13. Moghadam A., Wyss M., The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates // *International Security*. 2020. Vol. 44. Iss. 4. P. 119–157. DOI: 10.1162/isec_a_00377.
14. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence [Электронный ресурс] // *Foreign Affairs* : [сайт]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 15.03.2021).
15. Operationalizing Cyberspace as a Domain: Lessons for NATO / Ablon L., Binnendijk A., Hodgson Q. E., Lilly B., Romanosky S., Senty D., Thompson J. A. [Электронный ресурс] // RAND Corporation : [сайт]. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE329.html> (дата обращения: 15.03.2021). DOI: 10.7249/PE329.
16. The Secretary General's Annual Report 2020, 16-Mar.-2021 [Электронный ресурс] // NATO : [сайт]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182236.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.03.2021).
17. Wigell M. Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. Iss. 1. P. 49–67. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893027.

REFERENCES

1. Bartosh A. A. ["Grey areas" as the key element of today's operational space of hybrid warfare]. In: *Voennaya mys'* [Military Thought], 2021, no. 2, pp. 6–19.
2. Gaddis J. L. *On Grand Strategy* (Russ. ed.: Filippova O., Shalomitskaya A., trans. *O bol'shoi strategii*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2021. 424 p.)
3. Evstaf'ev D. G. [Eurasia in the era of power geoeconomics: features of transformations and opportunities for neutralizing risks]. In: *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Evraziya.Ekspert»* [Electronic scientific journal "Eurasia.Expert"], 2021, no. 1.]. Available at: https://journal.eurasia.expert/s271332140014382-7-1/?fbclid=IwAR2ZZLf7lEmMxkpymUf6wT8mKfOQdB9W0_tB_lflw4KXPeaLT8AUA-n84CM. DOI 10.18254/S271332140014382-7 (accessed: 15.03.2021).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* (Russ. ed.: Appollonov A., Dondukovsky M., trans. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2016. 416 p.)
5. Batyuk V. I., ed. *Konflikty nizkoi intensivnosti v amerikanskoi voenno-politicheskoi strategii v nachale XXI veka* [Low-intensity conflicts in the American military-political strategy at the beginning of the XXI century. Moscow, «Ves' mir» Publ., 2018. 192 p.
6. Kremenyuk V. A. *Mezhdunarodnye konflikty: problemy upravleniya i kontrolya* [International conflicts: problems of management and control]. Moscow, ISKRAN Publ., 2006. 222 p.

7. Maksimenko I. A., Bogdanov A. S. [The present-day approaches to information-analytical activity aimed at discovering hybrid threats]. In: *Voennaya mys'* [Military Thought], 2021, no. 5, pp. 42–49.
8. Mozhegov V. I. *Mirovaya grazhdanskaya voina* [World civil war]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 224 p.
9. Schelling T. *The Strategy of Conflict* (Russ. ed.: Kuznetsov Yu., ed., transl. *Strategiya konfliktka*). Moscow, IRISEN, Sotsium, 2014. 367 p. (Series "International Relations").
10. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. In: *International Security*, 2019, vol. 44, iss. 1, pp. 42–79. DOI: 10.1162/isec_a_00351.
11. Haass R., Kupchan C. The New Concert of Powers How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. In: *Foreign Affairs*. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=What%20the%20WHO%20Investigation%20Reveals%20About%20the%20Origins%20of%20COVID-19&utm_content=20210331&utm_term=FA%20Today%20-%2020112017 (accessed: 15.03.2021).
12. Mazarr M. Rethinking Restraint: Why It Fails in Practice. In: *The Washington Quarterly*, 2020, vol. 43, iss. 2, pp. 7–32. DOI: 10.1080/0163660X.2020.1771042.
13. Moghadam A., Wyss M., The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates. In: *International Security*, 2020, vol. 44, iss. 4, pp. 119–157. DOI: 10.1162/isec_a_00377.
14. Nye J. S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. In: *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 15.03.2021).
15. Ablon L., Binnendijk A., Hodgson Q. E., Lilly B., Romanosky S., Senty D., Thompson J. A. Operationalizing Cyberspace as a Domain: Lessons for NATO. In: *RAND Corporation*. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE329.html> (accessed: 15.03.2021). DOI: 10.7249/PE329.
16. The Secretary General's Annual Report 2020, 16-Mar.-2021. In: *NATO*. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182236.htm?selectedLocale=en (accessed: 15.03.2021).
17. Wigell M. Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference. In: *The Washington Quarterly*, 2021, vol. 44, iss. 1, pp. 49–67. DOI: 10.1080/0163660X.2021.1893027.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила 04.06.2021

Статья размещена на сайте: 10.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: devstafiev@hse.ru

Dmitriy G. Evstafiev – Cand. Sci. (Political Sciences), Prof., School of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics; e-mail: devstafiev@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евстафьев Д. Г. Гибридные войны как инструментарий геоэкономической трансформации современного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Evstafiev D. G. Hybrid wars platform as an instrument for geo-economic transformation of the world. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 3. Available at: evestnik-mgou.ru